

ГАШИШЪ

РАЗСКАЗЪ ТУРКЕСТАНЦА.

СОЧИНЕНІЕ

ГРАФА А. ГОЛЕНИЦЕВА-КУТУЗОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, Д. № 39.

1875.

Арсений Аркадьевич Голенищев-
Кутузов

Гашиш. Рассказ туркестанца (В стихах)

В стихотворной форме автор описывает, как герой рассказа зашел в кофейню, покурил гашиша и что с ним потом произошло.

**Арсений Аркадьевич
Голенищев-Кутузов
Гашиш. Рассказ туркестанца
(В стихах)**

*Дозволено цензурою. С.-Петербург, 22
мая 1875 г.*

*Посвящается Владимиру Васильевичу
СТАСОВУ*

Ты видишь, лик мой тощ и бледен;
Я нищ и стар; я скорбью съеден.
Я был и молод, и богат —
Я расточил свое богатство;
Промчалась юность; много крат
Врагов изведаль я злорадство
И лживую печаль друзей:
То казнь была моей гордыне.
Уж мне не жаль минувших дней!
С судьбою примирившись ныне,
Я в поте дряхлого лица
Тружусь и жизни жду конца;
Но памятен мне день ужасный,
Когда, презренный и несчастный,
Один, без крова, в поздний час,
Я очутился в первый раз.
Уж тенью Самарканд покрылся,
Народ с базара расходился,
Дервиша смолк унылый крик,
Закрылся торг, кончались споры...
Дородный сарт, седой старик,
С усильем надвигал запоры
На двери лавочки; огонь
Блеснул в потемках; чей-то конь,
Понурия голову, лениво
Брел без хозяина домой.
Все утихало, лишь порой
По сонной улице пугливо

Перебежать из дома в дом
Спешила женщина; потом,
Как мышь, в тени двора скрыва-
лась —

И вновь молчанье водворялось.
Счастливей час для богачей!
Их ждут объятья жен стыдли-
вых

Иль пир в кругу друзей шумливых,
При пляске молодых батчей.

Уж за стеной раздались клики,
И музыки веселый звук,
И пляски быстрой топот... Вдруг
Смятенье, рев несется дикий:

Батча лукавый угодил,
Восторг собранье охватил;
Бегут, и мечутся, и стонут....
Но вот опять все звуки тонут
В ночном молчании...

Луна

Из-за садов свой лик являла
И город сонный освещала.
В ту ночь казалась мне она
Бледна и зла. Людьми забытый,
И к стене прижавшись, немой,
С поникшей долу головой
Стоял я; злобой ядовитой
Томилась больная грудь, —

Мне было негде отдохнуть!
И о судьбе своей жестокой
В тиши я плакал одинокий;
Но нищему внимал Алла;
К нему печаль моя дошла:
Он помощь мне послал неожиданно.
Вдруг, вижу я, — передо мной
Старик с дрожащей головой
Стоит; таинственно и странно
Мерцает беспокойный взгляд
Очей, луною озаренных;
В устах, усмешкой искривленных,
Зубов темнеет черный ряд...
И звуки вкрадчивого слова
Я слышу в тишине ночной:
- О чем ты плачешь? — Я без крова.
- Кто ты? — Наказанный судьбой,
За то, что... — Удержись! Причину
Мне знать не нужно; проходя,
В ночи твой плач услышал я
И захотел твою кручину
Советом мудрым облегчить.
- Отстань старик! Твое участие
Не нужно мне; мое несчастье
Никто не может исцелить!
- Смири порыв гордыни ложной.

*Вот кошелек; мой дар ничтож-
ный*

*Прими и слушай: средство есть
В печалях ведать наслажденье
И, позабыв судьбы гоненье,
С отрадой бремя жизни несть.
Ты плачешь; но в земной юдоли
Унынья, нищеты, забот
Алла спасенье подает
Рабам его священной воли.
Алла могуч! Гашиша дым
Для счастья нищих создан им!
Скорей же, горем отягченный,
Иди в приют уединенный,
Струю волшебную вдыхай, —
И тяжесть скорби безысходной
С души спадет, и, вновь свобод-
ный,
Ты на земле познаешь рай.*

*Сказал и быстро удалился,
Оставив дар в руке моей...*

*В кофейне огонек светился, —
Шатаясь, побрел я к ней.
Вошел... Средь дымного тумана
Сидели люди вокруг кальяна.
Кто сам с собой вел разговор,*

Кто, на огонь уставив взор,
В торжественном оцепененьи,
Казалось, созерцал виденье;
Кто, мирно голову склонив
На грудь, в дремоту погружался,
Кто пеньем сладким упивался...
Я сел угрюм и молчалив,
Чубук схватил рукою жадной,
Вдохнул гашиша дым отрадный
И дожидаться стал. Порой,
Объят неведомой мечтой,
Кофейни гость в восторге диком
Вставал и хохотом, и криком
Вертеп убогий оглашал;
Тогда хозяин прибегал,
Чтобы унять безумца бранью;
Но, предан чудному мечтанью,
Окрест не видя ничего,
Счастливец презирал его
Ничтожный гнев и в пляс пускал-
ся.
Но вдруг почудилось мне,
Что сам, как будто в странном
сне,
Я громким смехом заливался.
Да где же горе? — Горя нет!
О чем я плакал так недавно?
На что сердился своенравно?

Мне счастье нежный шлет при-
вет!

Я все забыл... я в упоеньи...
То было райское мгновенье!
Я понял, что гашиша дым
Уж духом властвовал моим.

Быть может, житель стран хо-
лодных,
Суровых, темных и бесплодных,
Не ведал ты в снегах своих
О чудных таинствах Востока?
Я расскажу тебе о них
Во славу Бога и Пророка.
Внемли ж словам моим, пришлец,
И верь правдивому рассказу!
За слово лжи пускай Творец
Пошлет на плоть мою заразу,
Пусть иссушит источник вод
Мне на пути в степях горючих
И облаком песков летучих
Мой труп истлевший занесет!

Забыв житейские тревоги,
Унылых мыслей не тая,
На войлоке, поджавши ноги,
Сижу я, весел, как дитя!
Куда ни обращаю взоры,

Повсюду дивные узоры
И разноцветные ковры.
Роскошной Персии дары;
Шелками шитые халаты,
В сияньи золота чалмы,
За миг — и бледны, и темны,
Теперь — прекрасны и богаты, —
Пестреют ярко предо мной
Игривой, радужной красой!
А люди, люди! Не похожи

Они вдруг стали на людей:
Забавный вид! Какие рожки!
То сонм невиданных зверей!
Один ветвистыми рогами
Товарища бодает в бок;
Другой, с руками и ногами
В ковровый спрятавшись мешок,
Клубочком по полу катится;
Кто вырос вдруг до потолка,
А кто стал мельче паука...
Все пляшет, мечется, кружит-
ся —
Быстрее, быстрее — и, увлечен
В тумане дикого вращения,
Из глаз теряю я виденья
И вдруг, как будто дальний стон,

Раздался звон.
Так чуден он,
Что, упоен,
Я в сладкий сон.
Им погружен
И все кругом,
Объято сном,

Внимает в сумраке немом,
Как, потрясая небосклон,
Несется он,
Тот дивный звон.

Звон — и широко раскрылись зени-
цы;
Звон — и на воле; подул ветерок;
Звон — пробудились певчие пти-
цы,
Алой зарей разгорелся восток.
С звоном сливаются новые звуки:
Каплет роса с оживленных деревьев,
Ветви в одежде зеленых листов
Манят меня, как мохнатые руки,
В темные сени роскошных садов.

Ропщут там воды — прозрачные
воды!
К ним, покидая узорные своды

Пышных гаремов, веселой гурьбой
Жены эмира с зарей прибегают,
Песни их громкие страсть распа-
ляют,
Будят желанья в груди молодой...
Крепкие стены красу их скрыва-
ют...
Но, как тигрица на гриву коня,
Бешено на стену кинулся я.

Прыгнул — и вот за ревнивой
оградой
Жадно дышу благовонной прохла-
дой;
Спрятавшись в чаще кудрявых ку-
стов,
Жду я видений; но тех голосов,
Что долетали ко мне за мгнове-
нье,
Смолкло волшебнo-лукавое пенье.
Все в неподвижно-нависших садах
Пусто... Но чу! Недалеко в кустах
Слышится шепот, призыв пота-
енный:

«Спеши, мой яхонт драгоценный,
Ко мне, ко мне! Я здесь одна;
Тревогой грудь моя полна.

Я жажду наслаждений новых,
Безумных, молодых страстей.
Я ускользнула от очей
Эмира евнухов суровых,
Чтоб убежать с тобою в даль.
Ужель тебе меня не жаль?
Я молода... не в силах доле
У старика скучать в неволе;
Возьми меня, люби меня.
Ты смел и молод — я твоя!»

И та, чей голос соловьиный
Меня так чудно призывал,
Явилась мне, и стан змеиный
К груди с весельем я прижал.
Меня отталкивали руки.

«Боюсь... ступай...» шептал язык,
«Не уходи», с улыбкой муки
Молил откинувшийся лик.
Я видел взор сердито-нежный
Сквозь сеть опущенных ресниц:
Пылал он страстию мятежной,
Как туча, полная зарниц!
Я чуял сердца трепетанье
(Так голубь бьется молодой
В когтях орла, еще живой)...
И жгло меня любви дыханье,

Как вихрь пустыни, в страшный
час,
Когда, играя и кружась,
Самум с полудня налетает
И караваны замечает
Горячей пылью...

Чудный сон!
Как дым мгновенный, скрылся он.
В волнах нежданных тьмы глубо-
кой
Призыв промчался одинокий,
Прощальный, беспомощный стон!
И страх пред местию жестокой
Внезапно душу обуял...
То было краткое мгновенье;
Но непостижное мученье
Я в то мгновенье испытал!
Темницы тесной мрак и холод,

Терзанье пытки, жажду, голод,
Неумолимый гнет оков...
Казалось мне — рои клопов
Въедались в плоть мою; землю
Я был засыпан с головою [1];

Я погибал! И вдруг на миг,
Среди ужасного мечтанья,

Во мне проснулся луч сознанья;
В кофейне я услышал крик:
«Вяжи его!» — и в то ж мгновенье
Я навзничь с грохотом упал,
И кто-то руки мне связал, —
И вновь насмешки, брань и пенье...
Но скоро в вихре новых дум
Исчез земли презренный шум.

И чую я — крылья растут за плечами,
Орлиные крылья! И тучи кругом
Таинственно шепчут, несутся
клубами...
Вдруг молнии блеск, оглушительный
гром...
И мчусь я в пространстве, обвиняемый
грозою,
Любуясь с неба далекой землею.
Там лентой серебристою вьется
река,
В ней так же, как в небе, бегут облака!
Склонившись на берет, аул одинокий
Задумчиво дышит прохладой волны,
А справа и слева по степи широ-

кой

Пасутся киргизских коней табуны—

И вижу я в дымке степного тумана—

Торжественно движется цепь каравана.

Мне слышится шорох песчаных зыбей,

Шаганье верблюдов и ржанье коней;

Цветистой, сверкающей, длинною цепью

Плывут, извиваясь над желтою степью,

Лениво колеблясь, взрывая пески,
И ярко на солнце белеют тюки;

А черные кони, как черные тучи,
То медлят, то мчатся, послушно-могучи.

Вот близится всадник...

Отец мой, отец! Тебя я узнал!

Посмотри, твой птенец,
Давно от гнезда непогодой отбитый,

Тобою, быть может, уже позабытый

Опять отыскался... Тебя он зо-

вет,
К тебе он летит... Но бесплоден
полет:
Скрывается призрак степного об-
мана
И нет уж верблюдов, коней, кара-
вана...

Безлюдно все снова вокруг.
Не бьются усталые крылья,
С уныньем и стоном бессилья
На землю я падаю вдруг.

И снова один
Средь мертвых равнин
Лежу на песке
В безмолвной тоске,
А хищник степной,
Орел, надо мной
Летает, кружит,
В глаза мне глядит—
И, страхом объят,
Я понял тот взгляд:

Он говорил с насмешкою спокой-
ной:
Усни, усни недвижимым, мертвым
сном!

Пусть солнца луч в степи пылает
знойной:
Накрою я тебя своим крылом.

Зачем держать в уме пустые гре-
зы?
Зачем блестит в глазах твоих
слеза?
Я съем твой ум, я выпью твои
слезы,
Я выключу ненужные глаза.

Мятежные волнуют сердце стра-
сти—
Я сердце отыщу в груди твоей
И выну вон, и разорву на части:
Оно умрет для горя и страстей!

И зверь придет, прожорливый и
смелый,
И хлынет дождь, и ветер набе-
жит;
Над грудой костей сухой и белой
Вновь солнца луч веселый забле-
стит.

Но и тогда тебя я не покину:
И день, и ночь, орел сторожевой,

Я стану криком оглашать равни-
ну
И охранять костей твоих покой!

Я молча внимал.
Орел подлетал
Все ближе ко мне...
Но вдруг в тишине

Дрогнула степь, поднимается ро-
пот,
Шум и оружий бряцанье, и топот.
Вижу: несутся, как ветер легки,
Всадники... Враг!.. Ты творишь ли
молитвы?
Сабли их остры; как лес, бунчуки
Подняты, вьются, предвестники
битвы.
«Полно, товарищ, покоиться,
встань!
Верному ль время терять за меч-
тами?
Вот тебе конь и оружие; за нами
Ты поспеши на великую брань.»

С края земли,
В знойной пыли,
Звук,

Стук
Слышен вдали.
То не обман,
Бьет барабан,
Там
К нам
С западных стран
Вышли полки,
Блещут штыки.

В строй!
В бой!
Близки враги!

И кони с весельем заржали, и в се-
чу
Быстрее крылатых, погибельных
стрел
Помчались неверным гяурам на-
встречу...
И сталь засверкала, и бой загудел.
Вихрь пыли и крови взвился над
землю:
Мелькают в нем головы пестрой
толпою,
Горящие очи, иссохшие губы,
Страданьем и злобою сжатые зу-
бы,

*В крови распростертые стройные
станы,
Предсмертные взоры и смертные
раны...*

*Но вот, перегнувшись на белом
коне,
Неведомый воин несется ко мне:
Блестит его сабля, звенят его
шпоры, —
То русский, то враг!
Наши встретились взоры...
Грозя мне, привстал он на легком
седле;
Уж вижу морщины на старом че-
ле,
Наряд боевой и на бляхах насечку,
И красные ноздри коня, и уздеч-
ку...
Мгновенье — и бой загорится на
смерть.
Я дрогнул... Взглянул на далекую
твердь:
Там, с пристальным взглядом,
зловеще унылый,
Над битвой парил Азраил длинно-
крылый;
Казалось, он в битве кого-то ис-*

кал...

Нашел — и, сраженный, с коня я
упал!

И конь мой, испуган, взвился надо
мною,

Как буря, дыша и гремя в вышине;
Взвился, покачнулся и черной ска-
лою

Внезапно застыл. И почудилось
мне,

Что неба достиг головой он кос-
матой,

Что бой раздавил он, что грудью
подъятой

Затмил лучезарное солнце. Во-
круг

Все тенью ночью покрылося
вдруг

И звезды блеснули, и месяц дале-
кий,

Серпом перегнувшись, в лазури
глубокой

Новиснуд, янтарною тучкой об-
вит.

Гляжу — то не конь надо мною
стоит.

То дикий утес при луне серебри-
стой

Вздыхается гордо стеной каменистой.

Он дремлет... Но сумрак окрестный гудит,

Гудит голосами, и плеском, и ревом...

Все громче и громче! И в ужасе новом

Я вспрянул, взглянул — верь ты мне иль не верь, —

Но целое море, щетинясь, как зверь,

Объемля всю землю от края до края,

Мильонами волн и дымясь, и сверкая,

Бежало, как войско на приступ, ко мне.

Я кинулся с воплем к отвесной стене,

Но зверь-океан нагонял меня; вот к скале он прихлынул, скалу он

грызет,

Взметает и пену, и брызги, и пламень...

Дрожащей рукой ухватившись за камень,

Не в силах от пропасти глаз от-

вести,
Висел я в пространстве. Одежды
мои,
Как крылья подстреленной пти-
цы, метались,
Мне били в лицо, трепетали и
рвались...
И видел я праздник подводных ду-
хов:
Они веселились в пучине простор-
ной;
На каждой волне прыгал карлик
проворный,
Бил в бубны, коверкался на сто-
ладов,
Плевал на меня в вышину и смеял-
ся,
Нырлял и опять на поверхность яв-
лялся;
И видел я глубь океана, и рыб
Чешуйчатых, малых, больших и
громадных,
Вертлявых и пестрых, холодных и
жадных,
Стадами бродивших средь пени-
стых глыб.
Все выше и выше вздымались те
глыбы,

Все ближе и ближе являлись мне
рыбы.

Уж карлы, скача на упругих вол-
нах,

Руками старались поймать мои
ноги;

Лишь месяц далекий, не зная тре-
воги,

Все ярче и ярче блистал в небесах
И звезды спокойно мерцали в лазу-

ри,

Где нет ни морей, ни утесов, ни
бури!

И слышал я стоны пародов зем-
ных

С полудня, с полночи, с заката, с
востока, —

Все гибло в кипящих пучинах мор-
ских,

Все звало на помощь Аллу и Про-
рока!

Но черная туча на небе взвилась,
Как призрак, махая краями одеж-
ды;

И скрылись звезды, и месяц по-
гас—

Последняя искра, последней на-
дежды;

И грянул впотьмах над вселенною
гром,
И голос победный послышался в
нем:

«Вот слово Мудрого, — Того,
Кто сотворил моря и сушу:
Рабы презренные! Чего
Хотите вы? Я мир разрушу,
Я новый в миг опять создам,
Но в нем, отверженцы Пророка,
Клянусь зрачком десного ока,
Уже не будет места вам!
Не надувайтесь же гордыней.
Ответьте мне: где ваша мощь?
Вы зрели тучу над пустыней
И говорили — это дождь.
Лжецы! То вихрь, несущий кару;
Готовьтесь к грозному удару,
Дрожите, падайте во прах!..
Зачем так исказились лики?
Что означают эти крики?
Я отвечаю: это страх
Творивших зло и преступленья;
В великий день суда и мщенья
Они ничто в моих глазах!
Я ослеплю их всех туманом,
Я затоплю их океаном,

Я вскипячу тот океан. —
Они погибнут в муках ада;
Но ждет великая награда
Того, кто в жизни чтил Коран!»
[2]

Умолк — и мир поколебался,
И в черном вихре я помчался,
Куда — не знаю! Предо мной,
Мгновенно слившись в рой лету-
чий,
Огонь и мрак, и дым, и тучи
Мелькали с дикой быстротой,
Безумным хором оглушая,
Свистя, шипя и завывая,
Как будто сонмы злых духов
Слетались с четырех концов
На праздник гибели вселенной.
Но снова грянул гром священ-
ный—
В миг шум сменился тишиной,
Умчался ночи мрак бессильный,
Разлился свет волной обильной...
Но где же я и что со мной?

Над головой, безоблачный, без-
брежный,
Небесный свод раскинулся в сия-

ныи
И радуги великие врата
Семью цветами ярко трепетали.
Казалось, в них камней самоцвет-
ных
Неистошимый, частый лился
дождь,
Волшебно в солнечных лучах иг-
рая
И падая на блестящего солнца
Бесценный, ослепительный алмаз.
И в райские врата вступил я сме-
ло.
Передо мной в туманном отдале-
ныи
Зубчатых стен причудливый узор,
Роскошные дворцы и минареты
Являлись, как воздушные обманы,
Как гения свободный мечты.
Я видел их, но к ним мне не хоте-
лось,
Они лишь взор красотой своей ласка-
ли.
Вокруг меня цвел дивный верто-
град

И я вдыхал цветов благоуханье,
То нежное, то страстное, как

счастье
Весенних грез и пламенных на-
дежд;
Напевы птиц, сливаясь с журча-
ньем
Ленивых волн студеного потока,
Меня влекли под сладостную сень
Разросшейся над берегом оливы.
Там хорошо в дремоте молчали-
вой
Склониться, созерцая вечный
день.

И я пошел, и лег, и рой видений
Слетел ко мне для страстных на-
слаждений,
Для радости и неги, для любви,
Незнающей печали и разлуки.
Какой язык или какие звуки
Их выразят? Закрыв глаза мои,
Я пил вино небесного веселья
И в облаке волшебного похмелья
Мне слышалось: вкушай, вдыхай,
лови—
Все для тебя! плоды, цветы, лоб-
занья
Покорных дев... Улыбки их очей,
Их ласки, их напевы, их желанья...

О, не страшись! Огня в груди тво-
ей
Не утолят блаженные мгнове-
нья:
Здесь в счастье нет отравы пре-
сыщенья,
Как нет измен, притворства и це-
пей!

И я открыл и взоры, и объятья
Для счастья...
Но что же это? Ночь?
Дрожащий свет, толпа, кофей-
ня?! Прочь!
Прочь с глаз моих вы, призраки
проклятья,
Противный сор противной мне
земли!
Как смели вы явиться? Как могли
Вы заслонить собой картины
рая?
Гашиш, спаси! О, дайте!..

И срывая
Веревки с рук моих и ног,
Хотел вскочить я — и не мог!
Взглянул — и стыд объял меня:
Одежда ветхая моя

Была разодрана в клочки.
Да где ж чалма?. где башмаки?
Где кошелек — случайный дар?
Все, все похищено!.. Угар
Над распаленной головой
Носился смутною волной;
Но ужас жизни сознал я
И слез потоком залился.

-

Пришлец! С тех пор промчались
годы.
Поденщик, нищий, раб людей,
Влачу без цели, без свободы
Я бремя долгих, тяжких дней;
Привык я к брани и презренью,
Кормлюсь работой кое-как;
Но лишь с небес отрадный мрак
На землю падает и тенью,
Как ризой ночи, облачен,
Базар впадает в мирный сон,
Забывтый всеми, гнусный парий.
Зажав в руке дневной динарий,
Спешу в кофейню я и там
До утра предаюсь мечтам,
Пора! Ты видишь, солнце село,
Томится дух, устало тело... При-
шлец!

Не хочешь ли со мной
Ты испытать гашиша чары?
Пойдем... Смеешься?.. Бог с тобой!
Прощай... Но если бы удары
Судьбы жестокой на тебя
Обрушились и жизнь твоя
Нежданном горем омрачилась,
Припомни, что со мной случи-
лось...
Алла могуч! Гашиша дым
Для счастья нищих создан им!

С.-Петербург. Ноябрь. 1874 г.

Примечания

Среднеазиатские деспоты сажают преступников в зиндан — тесную подземную темницу, наполненную клопами.

[^^^]

Подражание Корану

[^^^]